

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.15202

EDN: TBLEDG

Концепция романа как творческий диалог Толстого и Достоевского: «Война и Мир» и «Преступление и Наказание»

В. Н. Захаров

*Петрозаводский государственный университет
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)*

e-mail: vnz01@yandex.ru

Аннотация. Творчество диалогично. Оно явлено случайной и сознательной рецепцией идей, образов, тем разных авторов. Зачастую подобные диалоги и полилоги неожиданны и многообразны. В середине 1860-х гг. в России случилось внешне заурядное событие. В 1865 г. в журнале «Русский Вестник» началась публикация сочинения Л. Толстого «Тысяча восемьсот пятый год», продолжившаяся в 1866-м и завершившаяся в 1869 г. отдельным изданием произведения под другим названием — «Война и Мир». Одновременно, в течение 1866 г., в журнале был опубликован роман Достоевского «Преступление и Наказание». Лев Толстой ясно сознавал, что он пишет не роман, а новое по жанру сочинение. Достоевский всегда ставил перед собой задачу, чтобы его каждый следующий роман был оригинальным как в ряду собственных произведений, так и среди европейских романов. Новому жанру Достоевского предшествовали опыт создания романов «Бедные люди» и «Униженные и Оскорбленные», открытие им своего жанра петербургских повестей и «Записок из Мертвого Дома». В генезисе романа «Преступление и Наказание» произошла трансформация замысла, в основе которого были повесть «Пьяненькие» и исповедь убийцы. В их синтезе возник новый жанр — роман Достоевского. Оба писателя принадлежали разным поэтическим традициям: Достоевскому был свойствен трагический шекспиризм, Толстому — гомеровская эпичность и декларативный антишекспиризм. Несмотря на внешний антагонизм, в поэтике Достоевского и Толстого много общего. Разительно совпадает их концепция нового жанра. Им присущи свободная эпическая форма, открытие новых характеров, анализ идеи автора как принципа и идей героев как предмета изображения, морализм в оценке героев и явлений. Не случайно роман Достоевского предвзвешивает сонет А. Фета с осуждением преступлений толпы и «злого гения», а одной из общих тем произведений Толстого и Достоевского является демифологизация бонапартизма. Примечательно, что многие случаи рецепции Достоевского и Толстого возникали еще до того, как был задуман и написан роман «Преступление и Наказание». Поиски и обретение жанра Толстым и Достоевским открыли новый русский роман в мировой литературе.

Ключевые слова: Толстой, Достоевский, Фет, жанр, роман, новый русский роман, название, морализм, шекспиризм, демифологизация, бонапартизм

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 24-18-00762 «Классики русской литературы второй половины XIX века: биографические "пересечения", критическая рецепция и интертекстуальные связи», <https://rscf.ru/project/24-18-00762/>, ИРЛИ РАН).

Для цитирования: Захаров В. Н. Концепция романа как творческий диалог Толстого и Достоевского: «Война и Мир» и «Преступление и Наказание» // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 2. С. 159–176. DOI: 10.15393/j9.art.2025.15202. EDN: TBLEDG

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.15202

EDN: TBLEDG

The Concept of the Novel as a Creative Dialogue Between Tolstoy and Dostoevsky: “War and Peace” and “Crime and Punishment”

Vladimir N. Zakharov

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: vnz01@yandex.ru

Abstract. Creativity is dialogical. It is the accidental and conscious reception of ideas, images, and themes by different authors. Such dialogues and polylogue are often unexpected and diverse. In the mid-1860s, an apparently ordinary event happened in Russia. In 1865, the publication of Leo Tolstoy’s work “One Thousand Eight Hundred and Fifth Year” began in the Russian Bulletin magazine, continuing in 1866 and ending in 1869 with a separate edition of the work under a different name — “War and Peace.” At the same time, during 1866, Dostoevsky’s novel “Crime and Punishment” was published in the journal. Leo Tolstoy was clearly aware that he was writing something other than a novel — a work in an entirely new genre. Dostoevsky always set himself the task of making his next novel original, both among his own works and among European novels. Dostoevsky’s new genre was preceded by the experience with the novels “Poor Folk” and “Humiliated and Insulted,” his discovery of his original genre of St. Petersburg novels and “The House of the Dead.” In the genesis of the novel “Crime and Punishment” there was a transformation of the idea — the synthesis of the story “Drunk” and confessions of a murderer gave rise to the emergence of a new genre — Dostoevsky novel. Dostoevsky and Tolstoy belonged to different poetic traditions. The former was characterized by tragic Shakespeareanism, the latter — by Homeric epic and declarative anti-Shakespeareanism. Despite the external antagonism, the poetics of Dostoevsky and Tolstoy have much in common. Their concept of a new genre is strikingly similar. They are characterized by a free epic form, the discovery of new characters, the analysis

of the author's idea as a principle and the ideas of the characters as the subject of depiction, and moralism in evaluating characters and phenomena. It is no coincidence that Dostoevsky's novel precedes A. Fet's sonnet condemning the crimes of the mob and the "evil genius," and one of the common themes of Tolstoy and Dostoevsky's works is the demythologization of Bonapartism. It is noteworthy that many cases of reception arose but were not published long before the novel "Crime and Punishment" was conceived and written. Tolstoy and Dostoevsky's search for and acquisition of the genre opened the new Russian novel in world literature.

Keywords: Tolstoy, Dostoevsky, Fet, genre, novel, new Russian novel, title, moralism, Shakespeareanism, demythologization, Bonapartism

Acknowledgments. The research was carried with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, project number 24-18-00762, <https://rscf.ru/project/24-18-00762/>, ИРЛИ РАН).

For citation: Zakharov V. N. The Concept of the Novel as a Creative Dialogue Between Tolstoy and Dostoevsky: "War and Peace" and "Crime and Punishment". In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2025, vol. 23, no. 2, pp. 159–176. DOI: 10.15393/j9.art.2025.15202. EDN: TBLEDG (In Russ.)

Есть удивительные события и совпадения.

В начале марта 1866 г. вышел февральский номер журнала «Русский Вестник», в котором были опубликованы два великих романа двух великих русских писателей. Лев Толстой возобновил публикацию сочинения под заглавием «Тысяча восемьсот пятый год», первые главы которого вышли год назад в январе-феврале 1865 года. Достоевский продолжил роман «Преступление и Наказание»: в первом номере журнала читатели уже пережили ужас преступления Раскольникова — начались муки наказания героя. Достоевский завершил роман в течение 1866 г., Толстой — четыре года спустя (см. *Илл. 1*).

В 1865 г. не только читатели, но и сам Толстой не знал, что он пишет и как в конце концов назовет свое сочинение. «Три поры», «Тысяча восемьсот пятый год», «Всё хорошо, что хорошо кончается» — эти варианты предшествовали окончательному выбору всем известного названия «Война и Мир».

Еще в середине мая 1866 г. Толстой писал А. Фету:

«Роман свой я надеюсь кончить к 1867 году и напечатать весь отдельно с картинками, к[оторы]е у меня уж заказаны, частью нарисованы Башиловым (я очень доволен ими) и под заглавием: "Все хорошо, что хорошо кончается"» [Толстой; т. 61: 139].

ФЕВРАЛЬ.

	<i>Стр.</i>
Характеристика Державина какъ поэта. <i>Я. К. Грота.</i>	449
Преступленіе и наказаніе. Романъ. Часть первая, главы VIII—XIII. <i>Ф. М. Достоевскаго.</i>	470
Варшавское герцогство. Гл. III—IV. <i>Н. А. Попова.</i>	575
Московская флора. <i>Московская флора или описаніе высшихъ растений и ботанико-географическій обзоръ Московской губерніи.</i> Соч. <i>Н. Кауфмана.</i> Москва, 1866. <i>С. А. Рачинскаго</i>	611
Изъ записокъ Сергѣя Николаевича Глинки. (Отъ 1775 до 1800 года.) IV.	650
Армадель. Романъ Вильки Колинза. Книга четвертая. Гл. XIV. Переводъ съ англійскаго.	686
Болѣзнь и кончина генерала Ростовцова. (По воспоминаніямъ и документамъ.) <i>Н. П. Селекова.</i>	723
Любопытный отвѣтъ на „Вопросы гагаголемымъ старообрядцамъ“. <i>Н. И. Субботина.</i>	746
Тысяча восемь сотъ пятый годъ. Часть вторая. Война. Гл. I—IX. <i>Гр. Л. Н. Толстаго.</i>	763
Русская литература. <i>Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ,</i> соч. Сергѣя Соловьева. Томъ пятнадцатый. (<i>Исторія Россіи въ эпоху преобразованія.</i> Томъ третій.) Москва, 1865. <i>А. С. Травецкаго.</i>	815
Новая книга о французской революціи. <i>Т.</i>	834
Стахотвореніе. <i>А. А. Фета.</i>	852
Корреспонденціи и замѣтки. Парижъ 1-го марта (17-го февраля). <i>Алека.</i>	853

Илл. 1. Оглавление второго номера журнала «Русский Вестник» за 1866 г., в котором были опубликованы продолжение книги Л. Толстого «Тысяча восемьсот пятый год» и роман Достоевского «Преступление и Наказание»

Fig. 1. Table of contents of the second issue of the “Russkiy Vestnik” journal for 1866, which published the sequel to Leo Tolstoy’ book “One Thousand Eight Hundred and Five Years” and Dostoevsky’s novel “Crime and Punishment”

Лишь в конце 1866 г. текст обрел искомое заглавие: «Война и Миръ». Об этом, к примеру, со ссылкой на петербургскую газету «Северная Почта» поведала астраханская газета «Восток»:

Литературныя новости. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой окончилъ половину своего романа, появлявшагося въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ подъ именемъ „1805 годъ“. Въ настоящее время авторъ довелъ свой рассказъ до 1807 г. и закончилъ тильзитскимъ миромъ. Первая часть, уже известная читателямъ „Русскаго Вѣстника“, значительно передѣлана авторомъ и весь романъ, подъ заглавиемъ „Война и миръ“, въ четырехъ большихъ томахъ, съ превосходными рисунками въ текстѣ, выйдетъ отдѣльнымъ издавиемъ не ранѣе, однако же, конца будущаго года. Замолкнувшій было даровитый писатель нашъ, И. С. Тургеневъ, кончаетъ новый романъ, подъ заглавиемъ „Дымъ“. Слышно, что этотъ романъ будетъ печататься въ Русскомъ Вѣстникѣ“. Новая ежедневная газета „Москва“, которая съ января мѣсяца начнетъ выходить подъ редакціей И. С. Аксакова (бывшаго редактора издателя еженедѣльной газеты „День“), сдѣлается, если судить по быстро возрастающей на нее подпискѣ, любимую московскою газеткою.
(Съв. Поч.)

Илл. 2. Перепечатка литературных новостей в газете «Восток» (Астрахань) от 6 января 1867 г. (№ 1. С. 13)

Fig. 2. Reprint of literary news in the newspaper “Vostok” (Astrakhan) dated January 6, 1867 (No. 1, p. 13)

Уже в конце 1866 г. читатели узнали из печати:

«Граф Л. Н. Толстой окончил половину романа, появлявшегося в "Русском Вестнике" под именем "1805 год". В настоящее время автор довел свой рассказ до 1807 года и закончил тильзитским

миром. Первая часть, уже известная читателям "Русского Вестника", значительно переделана автором по сравнению с журнальным текстом и весь роман выйдет под заглавием "Война и мир", в четырех больших томах, с превосходными рисунками в тексте, выйдет отдельным изданием не ранее, однако же, конца будущего года»¹.

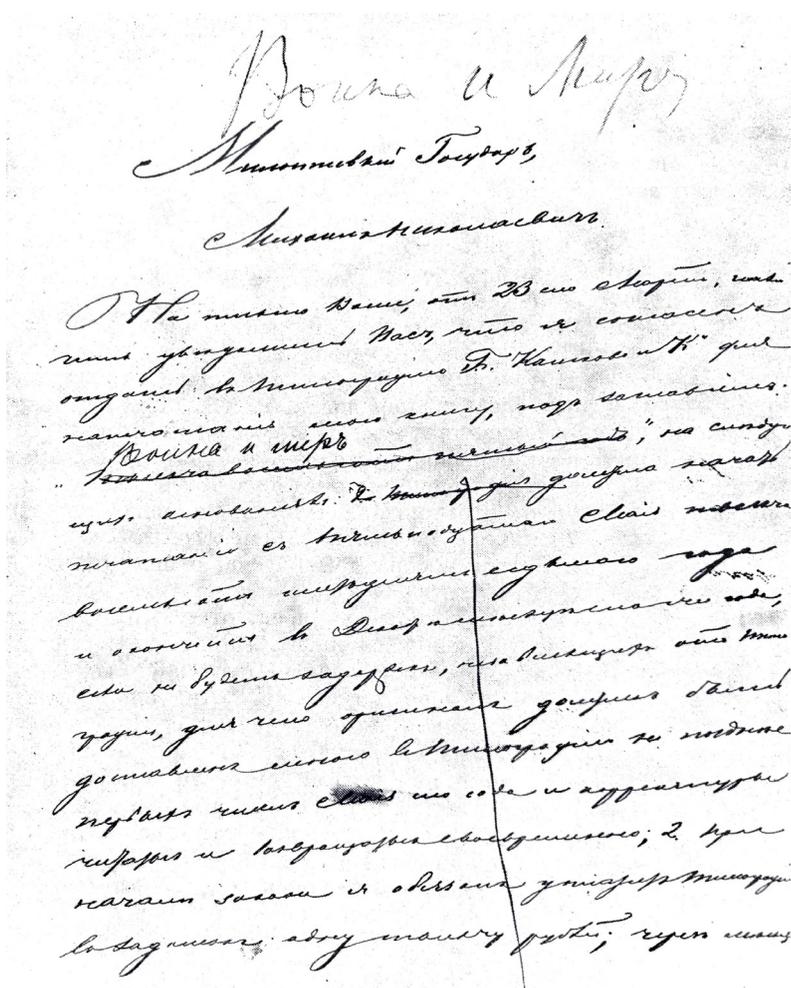
Новое название постепенно утверждалось в мартовской переписке Толстых 1867 г. Сначала роман был назван «Война и Мир» в письме А. Е. Берса к Толстым от 9 марта 1867 г. [Цявловский: 148]. Через две недели после этого писатель готовил проект договора на отдельное издание книги. В черновике его письма сотруднику типографии М. И. Лаврову от 24–25 марта 1867 г. Л. Толстой исправил прежнее название книги «Тысяча восемьсотъ пятый годъ» на новое — «Война и мир», в оригинальной орфографии «Война и миръ» (см. *Илл. 3*):

«...имею честь уведомить Вас, что я согласен отдать в типографию Г. г. Каткова и К^о для напечатания мою книгу, под заглавием «Тысяча восемьсотъ пятый годъ» "Война и миръ" на следующих основаниях» [Толстой; т. 61: 163].

У автора были сомнения, как писать в новом названии: миръ или миръ: 1) «война» и антоним «миръ» (согласие, лад, дружба, покой), 2) «война» и «миръ» — война в отношении к «миру» (к людям, общине, обществу, народу, человечеству, земле, вселенной). В конце концов, выбор был решен в пользу антиномического написания: «война» — «миръ». Многозначность названия узаконена советской орфографией.

Впрочем, слово «война» уже было в названии этого произведения Толстого. В первой редакции «Тысяча восемьсот пятого года», опубликованной в 1865 г., выделены части, названные «В Петербурге», «В Москве», «В деревне». Публикацию второй части в февральском, мартовском и апрельском номерах «Русского Вестника» 1866 г. Толстой продолжил под общим заглавием — «Война» (см. *Илл. 4*).

¹ Восток: газета коммерческая и литературная. Астрахань. 1867. № 1. 6 января. С. 13.

Илл. 3. Фрагмент черновика договора Л. Н. Толстого с типографией М. Н. Каткова от 24–25 марта 1867 г. с оригинальным названием произведения «Война и миръ» (иллюстрация воспроизведена по «Литературному наслѣдству», т. 94, с. 52)

Fig. 3. Fragment of the draft of the agreement between Leo Tolstoy and the printing house of Mikhail Katkov dated March 24–25, 1867 with the original title of the work “War and Peace” (the illustration is reproduced from the Literary Heritage, vol. 94, p. 52)

ТЫСЯЧА ВОСЕМЬСОТЪ ПЯТЫЙ ГОДЪ *

В О Й Н А.

I.

Въ октябрѣ 1805 года, русскія войска занимали села и города Эрдгердогоства Австрійскаго, и еще новые полки приходили изъ Россіи, и отягощая постоемъ жителей, располагались укрѣпости Браунау. Въ Браунау была главная квартира Кутузова.

11-го октября, 1805 года, одинъ изъ только-что пришедшихъ къ Браунау пѣхотныхъ полковъ, ожидая смотра главнокомандующаго, стоялъ въ подумилѣ отъ города. Несмотря на не русскую мѣстность и обстановку — фруктовые сады, каменные ограды, черепичныя крыши, горы видѣвшіяся вдали, на не русскій народъ, съ любопытствомъ смотрѣвшій на солдатъ, — полкъ имѣлъ точно такой же видъ, какой имѣлъ всякій русскій полкъ готовившійся къ смотру гдѣ-нибудь въ серединѣ Россіи. Тяжелые солдаты въ мундирахъ съ высоко поднятыми ранцами и перекинутыми черезъ плечо шинелями, а легкіе офицеры въ мундирахъ съ бившими по ногамъ шпакками, оглядывая вокругъ себя свои знакомые ряды, сади свои знакомые обозы, спереди еще болѣе знакомыя приглядѣвшіяся фигуры пачальства, и еще дальше впереди коновязи уланскаго полка и паркъ батареи шедшіе весь походъ вмѣстѣ съ ними, чувствовали себя здѣсь также дома, какъ и въ какомъ бы то ни было уѣздѣ Россіи.

Съ вечера, на послѣднемъ переходѣ, былъ полученъ приказъ, что главнокомандующій будетъ смотрѣть полкъ на походѣ. Хотя слова приказа и показались не ясны полковому

* Часть вторая. См. *Русскій Вѣстникъ* 1865 года, № 1 и 2.

Илл. 4. Начало публикации второй части книги Л. Толстого «Тысяча восемьсот пятый год. Война» в январском номере журнала «Русский Вестник» за 1866 г.

Fig. 4. The beginning of the publication of the second part of L. Tolstoy's book "One Thousand Eight Hundred and Five Years. The War" in the January 1866 issue of the "Russkiy Vestnik" journal

Название произведения Толстого окончательно определилось лишь в 1868 г., когда читатели взяли в руки три первых тома из шести в редакции 1868–1869 гг., на титульном листе которых стояло заглавие: «Война и Мир».

Вряд ли случайна эта рифма антиномических заглавий сочинений Достоевского и Толстого, опубликованных в одном журнале в одно и то же время. Впрочем, заглавие романа Толстого могло быть подсказано и пушкинским летописцем Пименом, наставлявшим Григория Отрепьева из «Бориса Годунова»:

«...В часы
Свободные от подвигов духовных
Описывай не мудрствуя лукаво
Всё то, чему свидетель в жизни будешь:
Войну и мир, управу государей,
Угодников святые чудеса,
Пророчества и знаменья небесны...»

[Пушкин; т. 7: 23].

Так явно и неявно слагалась антиномия заглавия.
Неясен жанр сочинения.

Толстой ясно осознавал, что он пишет «роман». Об этом он отчетливо заявил М. Н. Каткову в письме от 3 января 1865 г.:

«Сущность того, что я хотел сказать, заключалась в том, что сочинение это не есть роман и не есть повесть и не имеет такой завязки, что с развязкой у нее [уничтожается] интерес. Это я пишу вам к тому, чтобы просить вас в оглавлении и, может быть, в объявлении не называть моего сочинения романом. Это для меня очень важно, и потому очень прошу вас об этом» [Толстой; т. 61: 67].

Эту же мысль Л. Толстой повторил три года спустя в статье «Несколько слов по поводу книги "Война и Мир"»:

«Что такое Война и Мир? Это не роман, еще менее поэма, еще менее историческая хроника. Война и Мир есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось» [Толстой; т. 16: 7].

Свое отступление от традиций европейского романа автор оправдывает, приводя доводы:

«История русской литературы со времени Пушкина не только представляет много примеров такого отступления от европейской формы, но не дает даже ни одного примера противного. Начиная от Мертвых Душ Гоголя и до Мертвого Дома Достоевского, в новом периоде русской литературы нет ни одного художественного прозаического произведения, немного выходящего из посредственности, которое бы вполне укладывалось в форму романа, поэмы или повести» [Толстой; т. 16: 7].

Толстой категоричен: «Война и Мир» не роман, не повесть, не поэма, в ней нет ни завязки, ни развязки, обязательных в поэтике традиционных жанров.

В публичных декларациях автор отрицал, что «Тысяча восемьсот пятый год», а позже «Война и Мир» — роман, но в частном обиходе называл свое сочинение романом. Толстой в полной мере сознавал оригинальность жанра задуманного им произведения.

С точки зрения автора, «Тысяча восемьсот пятый год» и «Война и Мир» не романы в том значении, как понимали этот жанр в европейских литературах. Предусмотрительна щепетильная, но неисполненная, к сожалению, просьба автора Каткову, чтобы в оглавлении журнала или в редакционных объявлениях не называть его сочинение романом.

Читал ли Достоевский «Тысяча восемьсот пятый год» Толстого в «Русском Вестнике» 1865 г. — вопрос праздный. Достоевский читал сочинения Толстого, тем более в журнале, в котором в тех же номерах печатался сам. Достоевский не мог не читать новый роман Толстого, и эти следы обнаруживаются в наполеоновской теме их произведений.

В первых главах романа Толстого рассказан анекдот, как герцог Энгиенский оказался в будуаре любовницы Наполеона, «мадемуазели Жорж» (театральный псевдоним Маргариты Жозефины Веймёр, *фр.* Marguerite-Joséphine Weimer, 1787–1867), в тот момент, когда Наполеон случайно упал в обморок. Герцог не воспользовался беспомощным состоянием и пощадил соперника, но Наполеон позже распорядился похитить и казнить политического врага.

В журнальной редакции рассказ виконта де Мортемара о герцоге Энгиенском пространен и искусен. Он длится несколько глав, в обсуждение вовлечены почти все посетители

салона Анны Павловны Шерер. В последующих изданиях Л. Толстой сократил этот эпизод — очевидно, потому что рассказ приобрел самостоятельную эстетическую и художественную ценность.

Пьер Безухов защищает Бонапарта, убеждая, что казнь герцога Энгиенского была государственной необходимостью, что в этом поступке проявилось величие души Наполеона и т. п.

Аргументы Пьера вызвали негодование слушателей: «...как же вы объясняете великого человека, который мог казнить герцога, наконец, просто человека, без суда и без вины?» — возмущается Анна Павловна [Первая завершенная редакция...: 94]. «Цареубийство великое дело?!..» — «А пленные в Африке, которых он убил?» — спрашивают другие [Первая завершенная редакция...: 93, 94].

Кумир Пьера Безухова и Андрея Болконского не выдерживает морального суда.

На Достоевского этот эпизод не мог не произвести впечатления. Герои Достоевского родственны героям Толстого. Тень императора витает и над идеей, и над преступлением Раскольникова. Наполеоновская тема постоянно пребывает в поле зрения героев романа:

«— Ну, полноте, кто ж у нас на Руси себя Наполеоном теперь не считает? — с страшную фамильярностью произнес вдруг Порфирий. Даже в интонации его голоса было на этот раз нечто уж особенно ясное.

— Уж не Наполеон ли какой будущий и нашу Алену Ивановну на прошлой неделе топором уколошил? — брякнул вдруг из угла Заметов» [Достоевский: 185].

Раскольников признается:

«...я хотел Наполеоном сделаться, оттого и убил...» [Достоевский: 287].

В идее Раскольникова есть *новое* и *старое* слово. Новое слово сказано Раскольниковым: это преступление *по совести*, крови *по совести*.

Один из тех, кому принадлежит «старое слово», — Наполеон: «...настоящий *властелин*, кому всё разрешается, громит Тулон, делает резню в Париже, *забывает* армию в Египте, *тратит*

полмиллиона людей в московском походе и отделяется каламбуром в Вильне; и ему же, по смерти, ставят кумиры, — а стало быть и всё разрешается. Нет, на таких людях, видно, не тело, а бронза!» [Достоевский: 190].

Камнем преткновения героя Достоевского стало решение задачки «Наполеон и регистраторша»:

«Наполеон, пирамиды, Ватерлоо, — и тощая гаденькая регистраторша, старушонка, процентщица, с красною укладкою под кроватью, — ну каково это переварить хоть бы Порфирию Петровичу!.. Где ж им переварить!.. Эстетика помешает: "полезет ли, дескать, Наполеон под кровать к "старушонке"! Эх, дрянь!..» [Достоевский: 190–191].

«...что если бы, например, на моем месте случился Наполеон, и не было бы у него, чтобы карьеру начать, ни Тулона, ни Египта, ни перехода через Мон-Блан, а была бы вместо всех этих красивых и монументальных вещей, просто-запросто, одна какая-нибудь смешная старушонка, регистраторша, которую еще вдобавок надо убить, чтоб из сундука у ней деньги стащить (для карьеры-то, понимаешь?), ну, так решился ли бы он на это, если бы другого выхода не было? Не покоробился ли бы оттого, что это уж слишком не монументально, и... и грешно? Ну, так я тебе говорю, что на этом "вопросе" я промучился ужасно долго, так что ужасно стыдно мне стало, когда я наконец догадался (вдруг как-то), что не только его не покоробило бы, но даже и в голову бы ему не пришло, что это не монументально... и даже не понял бы он совсем: чего тут коробиться? И уж если бы только не было ему другой дороги, то задушил бы так, что и пикнуть бы не дал, без всякой задумчивости! Ну и я... вышел из задумчивости... задушил... по примеру авторитета... И это точь-в-точь так и было!» [Достоевский: 287–288].

Нравственный закон одинаково судит героев Толстого и Достоевского. Каждый из авторов внес свою лепту в развенчание наполеоновского мифа.

Медийное событие создали не только авторы гениальных сочинений, но и редакция журнала, немногочисленные сотрудники которой готовили публикации, составляли номера, вели направление журнала; сознательно или интуитивно, где это получалось, создавали идейно-тематические комплексы публикаций.

Роману Достоевского предшествовал сонет Афанасия Фета. Конечно, поэт не писал стихотворение к роману другого автора. Оно давно было написано, но еще не издано. Из редакционного портфеля «Русского Вестника» был выбран подходящий сонет А. Фета, на тот момент без названия, по первой строке: «Когда от хмелю преступлений...».

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ.

Когда от хмелю преступлений
Толпа развратная была,
И радъ влечить въ грязи злой гонимъ
Мужей великихъ имена,

Мои отбываютъ колѣна
И голова прекломена;
Зову властительныя тѣла
И ихъ читаю письма.

Въ тѣмъ таинственномъ храме
Учусь, сквозь воны емиама,
Словамъ наставниковъ внимать,
И забывая гулъ народный,
Вѣтралась думъ благородной,
Могучимъ влодохомъ ихъ дышать.

А. ФЕТЪ.

Р О М А Н Ъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

Въ началѣ июля, въ чрезвычайно жаркое время, полъ вечеръ, одинъ молодой человекъ вышелъ изъ своей каморки, которую занималъ отъ жильцовъ въ С—мъ переулкѣ, на улицу, и медленно, какъ бы въ нерѣшимости, отправился къ К—ну мосту.

Онъ благополучно избѣгнулъ встрѣчи съ своею хозяйкой на лестницѣ. Каморка его приходилась подъ самую кровлю высокаго пятиэтажнаго дома и походила болѣе на шкафъ чѣмъ на квартиру. Квартирная же хозяйка его, у которой онъ занималъ эту каморку съ обломомъ и прислугой, помещалась одною лестницей ниже, въ отдаленной квартирѣ, и каждый разъ, при выходѣ на улицу, ему непременно надо было проходить мимо хозяйкиной кухни, почти всегда настежь открытой на лестницу. И каждый разъ молодой человекъ, проходя мимо, чувствовалъ какое-то болѣзненное и трусовое ощущеніе, котораго стыдился и отъ котораго морщился. Онъ былъ долженъ кругомъ хозяйкѣ и боласа съ нею встрѣтиться.

3

Илл. 5–6. Разворот страниц журнала «Русский Вестник» с публикацией сонета А. Фета (стр. 52) и романа Достоевского «Преступление и Наказание» (стр. 53)

Fig. 5–6. The pages of the Russian Bulletin magazine are turned around with the publication of A. Fet's sonnet (p. 52) and Dostoevsky's novel Crime and Punishment (p. 53)

Стихотворение написано на шестой седмице Великого Поста (22–28 марта 1865 г.) [Фет: 388], когда праздновались Воскрешение Лазаря и Вход Господень в Иерусалим, наступал канун Страстной седмицы, время страстей, распятия и Воскрешения Христа.

Тема сонета — преступления, в которых повинны толпа и «злой гений».

В первом катрене поэт отрицает современный мир, погрязший в страстях и преступлениях «развратной толпы», в неистовой хуле «злого гения», который бесчестит «великие имена»:

«Когда от хмелю преступлений
Толпа развратная буйна,
И рад влачить в грязи злой гений
Мужей великих имена,»

во втором катрене буйству «развратной толпы» и «злого гения» противостоят «властительные тени» и их письма:

«Мои сгибаются колени
И голова преклонена,
Зову властительные тени
И их читаю письма.»

В первом терцете в храме, наполненном благовониями, лирический герой учится «словам наставников внимать»:

«В тени таинственного храма
Учусь, сквозь волны фимиама,
Словам наставников внимать;»

во втором терцете поэт исполнен «благородной думы», он дышит «могучим вздохом» своих наставников:

«И забывая гул народный,
Вверяясь думе благородной,
Могучим вздохом их дышать» [Фет: 52].

В сонете А. Фет выражает христианское неприятие преступлений, буйств «развратной толпы», бесчестий «злого гения»: в словах «торжествует истина — ее воздухом дышит лирический поэт» [Захаров В. Н., 2001: 264].

Медийность выводит литературное событие за рамки конкретного текста, создает новое явление, в котором участвуют авторы, журналисты «Русского Вестника», критики и фельетонисты дружественных и враждебных изданий, читатели. Все лавры достаются авторам.

Исключительно важную роль в судьбе романа в русской литературе сыграл шекспиризм Пушкина и Достоевского. Толстой следовал гомеровской традиции. В свое время, в 1820-е гг., Пушкин от байронизма пришел к шекспиризму [Анненков: 205–209], [Захаров Н. В., 2003, 2008]. Шекспиризм Пушкина в полной мере наследовал Достоевский [Захаров Н. В., 2008, 2011]. Своеобразным и неоднозначным явлением был антишекспиризм Толстого [Захаров Н. В., 2008].

И гомеровская, и шекспировская традиции стали генерирующим фактором в эволюции русского романа.

Несмотря на внешний антагонизм, в поэтике Достоевского и Толстого много общего. Разительно совпадает их концепция нового жанра. Им присущи свободная эпическая форма, открытие новых характеров, анализ идеи автора как принципа и идей героев как предмета изображения, морализм в оценке героев и явлений. В их романах заключен глубокий историзм. Герои и события подлежат нравственному суду. На эти идеи выходили сами авторы, их подсказывала редакция, создавая свои концепции и композиции в журнале. Примечательно, что многие эпизоды рецепции тем, героев и событий не являются подражанием или конкуренцией соперников, так как написаны еще до того, как был задуман роман «Преступление и Наказание».

Традиционным содержанием романа была любовь и ее превратности², начиная с XVIII в. — частная и семейная жизнь. Пушкин прибавил к содержанию романа историзм, определив роман как историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании³. Его концепции жанра отвечали романы «Евгений Онегин» (1823–1831) и «Капитанская дочка» (1836). Романы Лермонтова и Гоголя соответствовали критериям жанра,

² Ср.: «Mais aujourd'hui l'usage contraire a prévalu, et ce que l'on appelle proprement Romans sont des fictions d'aventures amoureuses, écrites en prose avec art, pour le plaisir et l'instruction des lecteurs». Huet P. D. *Traité de l'origine des romans*. J. Mariette, 1711. P. 3. Перевод: «Но сегодня возобладало противоположное мнение, и то, что собственно называется романами, — это художественные произведения о любовных приключениях, искусно написанные в прозе для развлечения и назидания читателей» (ред.).

³ Ср.: «В наше время под словом *роман* разумеем историческую эпоху, развитую на вымышленном повествовании» [Пушкин; т. 11: 92].

каким его замыслил Пушкин, позже развили Достоевский и Толстой [Захаров В. Н., 2014: 29; 2017: 334, 340–341].

Поиски и обретение жанра Толстым и Достоевским открыли новый русский роман в мировой литературе.

Список литературы

1. Анненков П. В. Пушкин в Александровскую эпоху / сост. А. И. Гарусов. Минск: Лимариус, 1998. 360 с.
2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. / науч. ред. проекта проф. В. Н. Захаров; [сост., подгот. текстов В. Н. Захарова]. М.: Воскресенье, 2004. Т. 7: Преступление и наказание: роман. 623 с.
3. Захаров В. Н. Сокровенное Достоевского и Фета: неслучайная встреча 1866 года // *Translating Culture: Essays in Honour of Erik Egeberg*. Oslo: Solum Forlag, 2001. P. 263–272.
4. Захаров В. Н. «Смелость изобретения» в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // *Проблемы исторической поэтики*. Петрозаводск: ПетрГУ, 2014. Вып. 12. С. 18–32 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429705931.pdf (01.02.2025). DOI: 10.15393/j9.art.2014.729. EDN: TKQMED
5. Захаров В. Н. «Муха летала, она видела! Разве этак возможно?» Проблема всеведения автора и мифопоэтический эффект в романе Достоевского «Преступление и Наказание» // *Mundo Eslovo*. Granada: Universidad de Granada, 2017. №. 16. С. 333–342 [Электронный ресурс]. URL: <https://revistaseug.ugr.es/index.php/meslav/article/view/17610/15435> (01.02.2025). EDN: KGXYNF
6. Захаров Н. В. Шекспир в творческой эволюции Пушкина. Jyväskylä: Jyväskylä University Printing House, 2003. 283 с. EDN: WGCNKB
7. Захаров Н. В. Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ / отв. ред. Вл. А. Луков; Моск. гуманитар. ун-т. Ин-т фундамент. и прикл. исследований; Межд. акад. наук (IAS). М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2008. 320 с. EDN: VWYEUN
8. Захаров Н. В. «Шекспиризм» Достоевского: введение в проблему // *Шекспировские чтения, 2006: сб. мат-лов Междунар. конф. Москва, 16–20 октября 2006 г.* М.: Наука, 2011. С. 309–314.
9. Первая завершенная редакция романа «Война и мир» / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; ред. И. С. Зильберштейн; подгот. к печ. и вступ. ст. Э. Е. Зайденшнур. М.: Наука, 1983. 789 с. (Сер.: Лит. наследство; т. 94.)
10. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.
11. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1928–1958.
12. Фет А. А. Соч. и письма: в 20 т. / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН, Курский гос. пед. ун-т.; редкол.: А. В. Ачкасов [и др.]. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. Т. 5: Вечерние огни. Стихотворения и поэмы 1864–1892 гг., не вошедшие в сборники. Кн. 1 / тексты и коммент. подгот. Н. П. Генералова, В. А. Кошелев, В. А. Лукина, Г. В. Петрова. 696 с.

13. Цявловский М. А. Как писался и печатался роман «Война и мир» // Толстой и о Толстом: новые материалы / Главнаука Наркомпроса; Труды Толстовского музея. М.: Изд-во Толстовского музея, 1927. Сб. 3. С. 129–174 [Электронный ресурс]. URL: <https://feb-web.ru/feb/tolstoy/serial/tt3/tt3-129-.htm> (01.02.2025).

References

1. Annenkov P. V. *Pushkin v Aleksandrovsuyu epokhu [Pushkin in the Alexander Era]*. Minsk, Limarius Publ., 1998. 360 p. (In Russ.)
2. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 18 tomakh [The Complete Works: in 18 Vols]*. Moscow, Voskresen'e Publ., 2004, vol. 7. 623 p. (In Russ.)
3. Zakharov V. N. The Secret of Dostoevsky and Fet: a Non-Accidental Meeting in 1866. In: *Translating Culture: Essays in Honour of Erik Egeberg*. Oslo, Solum Forlag Publ., 2001, pp. 263–272. (In Russ.)
4. Zakharov V. N. “Boldness of Invention” in Lermontov’s a “Hero of Our Time”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2014, issue 12, pp. 18–32. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429705931.pdf (accessed on February 1, 2025). DOI: 10.15393/j9.art.2014.729. EDN: TKQMED (In Russ.)
5. Zakharov V. N. “The Fly Was Flying, She Saw! Is this Possible?” The Problem of Omniscience of the Author and Mithopoetic Effect in Dostoevsky’s Novel “Crime and Punishment”. In: *Mundo Eslavo*. Granada, Universidad de Granada Publ., 2017, no. 16, pp. 333–342. Available at: <https://revistaseug.ugr.es/index.php/meslav/article/view/17610/15435> (accessed on February 1, 2025). EDN: KGXYNF (In Russ.)
6. Zakharov N. V. *Shespir v tvorcheskoy evolyutsii Pushkina [Shakespeare in the Creative Evolution of Pushkin]*. Jyväskylä, Jyväskylä University Printing House Publ., 2003. 283 p. EDN: WGCNKB (In Russ.)
7. Zakharov N. V. *Shespirizm russkoy klassicheskoy literatury: tezaurusnyy analiz [Shakespeareanism of Russian Classical Literature: Thesaurus Analysis]*. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ., 2008. 320 p. EDN: VWYEUN (In Russ.)
8. Zakharov N. V. “Shakespeareanism” of Dostoevsky: Introduction to the Problem. In: *Shespirovskie chteniya, 2006: sbornik materialov Mezhdunarodnoy konferentsii. Moskva, 16–20 oktyabrya 2006 g. [Shakespeare Readings, 2006: Collection of Materials of the International Conference. Moscow, October 16–20, 2006]*. Moscow, Nauka Publ., 2011, pp. 309–314. (In Russ.)
9. *Pervaya zavershennaya redaktsiya romana “Voyna i mir” [The First Completed Edition of the Novel “War and Peace”]*. Moscow, Nauka Publ., 1983. 789 p. (Ser.: Literary Heritage; vol. 94.) (In Russ.)
10. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 16 tomakh [The Complete Works: in 16 Vols]*. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1937–1959 (In Russ.)

11. Tolstoy L. N. *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 tomakh* [*The Complete Works: in 90 Vols*]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1928–1958. (In Russ.)
12. Fet A. A. *Sochineniya i pis'ma: v 20 tomakh* [*Works and Letters: in 20 Vols*]. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo Publ., 2014, vol. 5, book 1. 696 p. (In Russ.)
13. Tsyavlovskiy M. A. How the Novel “War and Peace” Was Written and Published. In: *Tolstoy i o Tolstom: novye materialy* [*Tolstoy and About Tolstoy: New Materials*]. Moscow, Tolstoy Museum Publ., 1927, collection 3, pp. 129–174. Available at: <https://feb-web.ru/feb/tolstoy/serial/tt3/tt3-129-.htm> (accessed on February 1, 2025). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Захаров Владимир Николаевич, Vladimir N. Zakharov, PhD (Philology), Professor, Head of the Department of Classical Philology, Russian Literature and Journalism of the Institute of Philology, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2709-4145>; e-mail: vnz01@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 03.04.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 14.04.2025

Принята к публикации / Accepted 22.04.2025

Дата публикации / Date of publication 30.05.2025